

от чистого сердца сделались христианами». Облагочестивая речь и достойная быть принятой! О слово по истине католическое и преисполненное веры и благодати! Король католический желал бы благоговейно, чтобы та христианская вера, которая во времена блаженного Августина и других православных отцов процветала в Африке и преимущественно в Карфагене, процветала бы снова в наше время и распространилась ко славе и чествованию Иисуса Христа. Таким образом король размышлял, что если столь многочисленное и знаменитое войско вдруг явится перед Тунисом, то едва ли владетель его может другой раз представить своим сарацинам такой удобный предлог для крещения, которое спасет от смерти как его самого, так и всех, кто пожелает обратиться в христианство; при таком положении дел он может вместе с тем сохранить за собой свои владения. Сверх того королю дали понять, что если бы владетель Туниса воспротивился, то будет весьма легко завоевать этот город, а вместе с ним и всю землю. Королю напоминали, что Тунис, наполнен золотом, серебром и несметными богатствами, тем более, что с давнего времени он никем не был завоеван. Таким образом, являлась надежда, что если с Божьей помощью Тунис будет взят христианами, то в его сокровищницах можно почерпнуть много средств для возвращения Св. земли. Между тем до сих пор из страны Туниса султан Вавилон (Кайра) получал большую помощь копшицей, оружием и воинами ко вреду Св. земле. Наши бароны полагали, что если этот ядохватный корень будет совсем вырван, то все христианство и Св. земля получат от того большую пользу. А так как было писано, что «где одно служит для другого, то это одно и то же», и так как поход в Тунис предпринимался для расширения чести имени Христова и в особенности для вспомоществования св. земле и на ее пользу, то такое предприятие не казалось противоречащим данным обетам креста, и даже оно оставалось тем же самым делом; ибо этот поход служил поддержкой и приготовлением к более скорому возвращению Св. земли. Если же исход этого предприятия был не тот, какого ожидали верующие, то

мы должны приписать то, по таинственному приговору Господню, самим себе и своим грехам.

XLII. О прибытии короля в Тунис. Таким образом, сев на суда, мы пристали беспрепятственно к берегам Африки в виду Туниса и раскинули свои палатки близ Карфагена. Вскоре наши мужественно и победоносно овладели всем местом, где стоял тот знаменитый Карфаген, и его окрестностями. При этом было умерщвлено много сарацин и добыты съестные припасы и все прочее, необходимое для войска. Стычки происходили ежедневные и побоище было великое; но все это и тому подобное я предоставляю изложить тем, которые умеют лучше меня писать о военных подвигах.

XLIII. О приключившейся там смертности. Христианское войско простояло там в палатках около 4 месяцев, и последовала великая смертность людей как по причине дурной погоды и почвы, так и вследствие недостатка здоровых деревьев и пресной воды. При этом погибли многие рыцари и благородные бароны: между ними скопчался светлейший граф Ниверноа, Иоанн, сын благочестивого короля, смерть которого потрясла Людовика. Но король в своем благоразумии и твердости скоро утешился относительно этой последней смерти, насколько то было возможно.

XLIV. О благочестивой и оплакиваемой кончине благочестивого короля, и как он держал себя, умирая. Вскоре после того, в этом же самом лагере, сам король, блаженной и преславной памяти, Богом возлюбленный, людям милый, после всех своих трудов для веры, после столь тяжких лишений, понесенных им неутомимо на пользу религии и распространения церкви, волей Господа, пожелавшего копчить счастливо его труды и славно воздать за них, впал в непрерывную лихорадку и слег в постель, совершив над собой благоговейно все таинства церкви в здравом и ясном уме. Когда мы совершили миропомазание и читали семь псалмов с литанией, он сам говорил стихи псалмов и, помня святых патрисию, благочестиво зывал к их заступничеству. При очевидном приближении последнего часа он не заботился ни о чем,